

Альфы, как оказалось, в этом были особенно узколобы и ревнивы.

Даже если они не были возлюбленными, они всё равно не могли вынести мысли о том, что Омега, с которым они делили постель, которого они отметили своей меткой, может броситься в объятия другого Альфы.

Феромоны ударили в него, словно волна.

Ноги Бай Юя дрогнули, предательски ослабели, и он, не в силах сопротивляться, рухнул в объятия Фу Юя. В тот же миг на него обрушился поцелуй — властный, жадный. Он взломал его губы, раздвинул зубы, бесстыдно вторгся внутрь, переплетаясь, пробуя, увлажняя уголки рта, выманивая наружу всё более густой, глубокий, томный аромат орхидеи.

Бай Юй никогда прежде не сталкивался с таким подавлением феромонами.

Или, вернее сказать...

С соединением.

Пальцы Альфы — длинные, с чётко очерченными суставами, сильные — на мгновение задержались на чёрном браслете у его щиколотки, резком, чуждом. Затем они медленно скользнули вверх по ослепительно белой, тонкой лодыжке, выше — вдоль стройной ноги, пока не подхватили его целиком. Фу Юй целовал его без удержу, прижимая крепко к себе, и одним движением поднял на руки.

Лишь когда его вжали в шкаф и он провалился в мягкую кучу одежды, Бай Юй смог собрать остатки рассудка. Он напрягся, собрал последние силы и оттолкнул высокую фигуру, стоящую перед ним на одном колене.

Его голос дрожал:

— Ты... извращенец?!

Так любишь возвращаться на место прежних преступлений?

Он вспотел так сильно, что влажные пряди прилипли ко лбу, скрывая выражение глаз. Фу Юй протянул руку и мягко убрал с его лица мокрые волосы. В глубине его взгляда тлела сдерживаемая, обжигающая жажда обладания. Услышав это, он удивлённо улыбнулся:

— Я думал, ты давно это понял.

Это было настолько бесстыдно, что мысли Бай Юя уже окончательно рассыпались под натиском жара течки. Его глаза, затянутые влажной дымкой, были расфокусированы, губы — влажные, припухшие, чуть приоткрытые. Он на мгновение потерял способность говорить.

Фу Юй не удержался — он выглядел слишком... милым.

Он снова наклонился и поцеловал его губы, тихо усмехнувшись:

— Ну-ну, дорогой. Пора заняться делом.

Он поднял руку, показывая предмет на своей ладони. Его пониженный голос был пропитан двусмысленной, дразнящей улыбкой:

— Ты слишком страстный.

Губы Бай Юя дрогнули. Волна острого стыда, словно удар, заставила его наконец вынырнуть из хаоса мыслей и найти слова для брани.

Но прежде чем он успел их произнести, голос покинул его.

Осталось лишь обжигающее дыхание, прерывистые стоны и тяжёлые, сбивчивые вдохи.

Шкаф был заполнен одеждой, которую Фу Юй специально приказал подобрать для Бай Юя — той, что, по его мнению, ему подходила.

Кроме этого, там было лишь немного вещей самого Фу Юя — в основном парадные мундиры и форменная одежда.

Чтобы внушить молодёжи всех звёздных систем благоговейное восхищение перед армией Федерации, форма была создана безупречной — величественная, строгая, ослепительно красивая. Символ высшей власти Федерации — драгоценный герб — сиял холодным светом.

Теперь же всё это было смято, сбито, в беспорядке.

Омега, вошедший в полноценную фазу течки, становился подобен воде.

Пот, слёзы, слюна... и то, о чём невозможно говорить вслух — всё смешалось в горячем, хаотичном потоке. И лишь феромоны Альфы могли стать его спасением.

Наконец, на самом краю распада, Бай Юй на мгновение обрёл ясность. Его голос дрожал и хрипел:

— Не надо...

Альфа, сжимавший его у основания бедра, замер. Его взгляд потемнел.

— Почему?

Если Омега во время течки получал узловую метку от Альфы, вероятность беременности становилась абсолютной — сто процентов.

А в момент соединения инстинкты, глубоко вплетённые в гены Альфы — жажда обладания и продолжения рода — лишали его разума. Даже если Омега сопротивлялся, Альфа мог жестоко овладеть им и оставить окончательную метку, превращая его в своего.

Это был вопрос, который не требовал ответа. Они оба проходили физиологию АО и знали всё.

И всё же Фу Юй приподнял бровь и, наклонившись ближе, нарочно прошептал:

— Боишься забеременеть?

Не дожидаясь ответа, он выдохнул горячий воздух ему на ухо и с жестокой насмешкой добавил:

— А я всё равно сделаю это.

Их совместимость была абсолютной — сто процентов. Это был выбор самих генов. Требовать от

Альфы отказаться от полной метки — значило идти против его природы.

Он не успел закончить.

Резкая боль вспыхнула на лице.

Фу Юй замер на мгновение, прежде чем осознал — его Омега ударил его по щеке.

Омега.

Тот самый Омега, что лежал сейчас в его постели. Тот, с которым он был соединён.

Гнев ещё не успел вспыхнуть.

Знакомая рука — влажная от пота, дрожащая — бессильно легла на его запястье. В этом прикосновении не было силы, лишь молчаливая мольба.

Точно такая же, как в ту ночь.

Когда он просил его не включать свет.

Если бы тогда он всё-таки включил свет и увидел лицо Бай Юя... возможно, он не был бы теперь так одержим.

Порочная связь зародилась в то самое мгновение — в мгновение слабости его сердца.

Лицо Альфы помрачнело. С явным недовольством он перехватил подбородок Бай Юя, заставляя поднять голову, и яростно впился в его мягкие губы. Он ничего не сказал — но движения стали ещё грубее, словно он пытался возместить себе что-то, чего его лишили.

Несколько лишних слов — всего лишь слов — сделали эту течку беспокойной. А из-за того, что он не мог завязать узел внутри тела Бай Юя, Фу Юй лишь сильнее изводил его, будто мстя за это.

Обычно течка Омегы длится три дня, максимум — пять.

Бай Юй провёл в комнате Фу Юя целых семь.

И даже когда его течка закончилась, Альфа не собирался отпускать его.

В его пустом, расплывающемся сознании крутилась одна-единственная мысль: «В военном ведомстве что, все вымерли? Им не нужно на службу?»

Тело его стало мягким, как вода. Стоило прикоснуться — он начинал дрожать. Его называли

беспомощным, смеялись над тем, какой он «никчёмный», а затем, наклонившись, через поцелуй вливали в рот питательный раствор, который, должно быть, доставил в комнату домашний робот.

Стоило ему наконец провалиться в сон — его снова будили. Он открывал глаза и встречался взглядом с Альфой, который, удерживая его за ноги, без тени раскаяния улыбался:

— Я делаю своё, ты спи своё.

Спи? Чёрта с два.

В ушах у Бай Юя звенело. В который уже раз он жалел, что тогда, проявив слабость, не прикончил Фу Юя.

Когда его наконец отпустили, была глубокая ночь.

Снаружи тихо шелестел дождь — сырой, холодный. По другую сторону окна в комнате было сухо и тепло. Альфа, насытившийся и довольный, выглядел удивительно мягким. Он полулежал, опираясь на изголовье, и лениво перебирал полудлинные волосы Бай Юя, медленно проводя ладонью вниз по его худой спине.

Голос его звучал удовлетворённо и ласково:

— Дорогой, хочешь чего-нибудь?

У Бай Юя не осталось сил даже пошевелить пальцем. Он лежал на нём, щекой к груди, влажная кожа розовела от жара. Алые губы были плотно сжаты, дыхание — едва ощутимое. Длинные чёрные ресницы опущены. Он полностью проигнорировал вопрос.

Ему было лень снова говорить: «Не используй со мной свои приёмы для любовников».

Фу Юй не рассердился. Он задумчиво произнёс:

— Во время последнего патруля флот обнаружил необитаемую планету, богатую драгоценными камнями. Я выкуплю её и подарю тебе. Как тебе идея?

Веки Бай Юя дрогнули. Он медленно поднял подбородок и встретился с его взглядом.

Фу Юй мягко, почти нежно поцеловал его в лоб:

— М?

После паузы Бай Юй заговорил:

— Есть кое-что, что я действительно хочу.

— Что же?

В уголках его глаз ещё теплилась краснота пережитой страсти. Голос оставался хриплым, но интонация была холодной, ровной, без единой волны:

— Ключ от браслета.

Поцелуй Фу Юя замер.

Улыбка на его лице медленно исчезла, а выражение стало тяжёлым.

<http://bllate.org/book/14965/1500234>